

ВЕСТНИК ОБЩЕСТВА ГЁТЕ

Goethe-Jahrbuch. Bd.116 (1999)

Новый, 166-й выпуск ежегодника Общества Гёте содержит доклады, объединенные темой «И.В. Гёте и XX век».

Влияние Гёте на писателей всего мира без сомнения велико, однако отношение к писателю постоянно менялось. Чтобы понять причины этого феномена, необходимо реконструировать все этапы долгого и трудного пути читателей и критиков к пониманию произведений великого писателя. Этому вопросу посвящены многие работы, представленные в сборнике: Джеймс Симпсон. «Гёте и Англия»; Гонтье-Луис Финк. «Гёте, другой немец? Французская рецепция Гёте в 1870 – 1949гг.»; Джейн К. Браун. «Гёте и американская литература – случай Эдит Вартон»; Йошито Такахаши. «Очарование и загадка «Фауста» для японцев»; В. Гильманов. «Гёте и Серебряный век русской культуры»; Михаэль Джегер. «Гёте в споре либеральной и радикальной мысли Веймарской республики».

Дитрих фон Энгельхард и Ирмгард Мюллер рассматривают роль учения о цветах Гёте и морфологии в естествознании XIX и XX веков. Тема «Гёте и педагогика» интересует Клауса Гюнцлера, Гюнтер Махал анализирует бесчисленные постановки «Фауста» на немецкой сцене в XX веке.

Для XX века типичен критический подход к прошлому и настоящему. Как отмечает в своей работе «Гёте и наше время» Катарина Моммзен, Гёте более не интересен молодому поколению. Современные читатели подходят ко всем вопросам с критически-рациональной точки зрения. Почитание мастеров искусства рассматривается сегодня как «некритическая идеализация». «Наш научный, просвещенный дух не принимает иррациональный подход к искусству и показывает нам людей, ранее считавшихся непререкаемыми авторитетами, в их истинном облике, сомнительными и даже подлыми характерами».

Большинство представленных на конференции докладов с той или иной точки зрения рассматривают этот вопрос, соглашаясь или полемизируя с автором.

В этой связи следует согласиться с высказыванием Элиота: тот, кто может преодолеть свою антипатию к Гёте, освобождает себя от «ограниченности собственного духа». Именно это и попытались сделать в своих

докладах исследователи и критики его творчества. Особенно интересными представляются следующие работы.

James Simpson. Goethe und England
(Джеймс Симпсон. Гёте и Англия)

В своей работе Джеймс Симпсон пытается рассмотреть вопрос, центральный для рецепции Гёте в Англии. Речь идет об одном удивительном историческом факте: Гёте в XIX веке однозначно был выдающимся образом в литературном ландшафте Англии. С другой стороны, Гёте в XX веке не занимает такое привилегированное положение и ставится в один ряд с другими более или менее выдающимися зарубежными писателями. В докладе коротко и схематично показано отношение к Гёте в Англии. Восприятие писателя может быть связано с эстетическими и политическими вопросами, однако следует отметить, что понятие «политический» используется автором лишь в широком значении этого слова.

В первую очередь, И.В. Гёте становится известен в Англии как автор «Вертера». Дискуссии, которые вызвало это произведение, сводились лишь к одному – книга была признана безнравственной. Современные Гёте критики посчитали выход этого романа «вредной тенденцией», а самого Гёте «защитником и апологетом самоубийц». Таким образом, в глазах англичан Гёте еще надолго остается опасным и безнравственным автором. В некотором смысле такое отношение к его произведению становится центральным мотивом рецепции Гёте вообще. Вордсворт агрессивно не принимает Гёте, а Кольридж отказывается от перевода «Фауста», считая героя «вульгарным, распутным и богохульным». Кроме этого он боялся, что переведенное им произведение будет разгромлено английской публикой и критиками.

Следующее поколение романтических поэтов Англии не разделяло эти взгляды. Монк Левис знакомит с произведениями Гёте Байрона и Шелли. Гёте становится культовой фигурой для этой группы радикальных писателей. Фауст для них не просто открытие, но и творческий импульс. Следует, однако, принять во внимание и то, что как Байрон, так и Шелли были отвергнуты английским обществом, слыли бунтарями против политики и морали своей родины. Их восхищение Фаустом имело ту же политическую подоплеку, как и восхищение поколения 1790-х годов Вертером и разбойниками.

Вслед за поражением Наполеона появился новый интерес к Европе и, несмотря на постоянные атаки на И.В. Гёте в консервативных журналах, можно было услышать и новые голоса в защиту автора. Томас Карлил представляет И.В. Гёте воплощением силы, учителем и мудрецом. Середина XIX века становится кульминационным моментом для значения И.В. Гёте и его влияния в Англии. Реакция на произведения И.В. Гёте стала некой лакмусовой бумажкой, показывающей, как автор относится к вопросам религии и веры.

В XX веке статус И.В. Гёте меняется. Это связано, по всей видимости, с тем, что эстетика нового времени искала другие образцы, к тому же возникла конкуренция между Англией и Германией, в том числе и в литературе. Джеймс Симпсон предлагает искать причину и в следующем: XIX век сделал Гёте иконой и тем самым привел к разрыву между человеком и его произведениями. Эти иконы: человек-пророк, человек-мудрец, апостол эстетического героизма, интеллектуальный авторитет – кажутся менее необходимыми и менее релевантными на фоне исчезновения спорных вопросов и страхов XIX века. Интересно и то, что почитание И.В. Гёте в XIX веке почти не относилось к Гёте-лирику. А отсутствие классического периода его коротких стихотворений сделало невозможным составление полного представления о достижениях Гёте и его величии. Современный поэт Питер Потер верно отмечает, что лирика Гёте недоступна тем, кто не может прочитать ее в оригинале. Лирика Гёте в английском переводе – это не его лирика, а собрание «анекдотов в стихах». Как отмечает Элиот, И.В. Гёте всегда останется одной из трех великих фигур литературы, которые объясняют европейцу, кто он такой.

Gonthier-Louis Fink. Goethe, der andere Deutsche. Die französische Goethe-Rezeption zwischen 1840 – 1949.

(Гонтье-Луис Финк. Гёте, другой немец. Французская рецепция Гёте в 1840 – 1949 гг.)

В своем докладе Финк делает обзор рецепции Гёте во Франции в период 1840 – 1949 гг., при этом он детально рассматривает свидетельства из специальной литературы, а также газетных публикаций. Центральным в статье Г.Л. Финка становится следующий тезис. Французская картина отношения к И.В. Гёте составлялась в зависимости от политических и исторических отношений Германии и Франции. В послевоенное время можно выделить два противоположных портрета Гёте: Гёте – как «типичный» немец, который вбирает в себя все негативные представления о Германии, а также Гёте – «другой» немец, гений, мудрый космополит и представитель мировой литературы.

Herbert Zeman. Goethe und Österreich
(Херберт Цеман. Гёте и Австрия)

Несмотря на многочисленные личные контакты писателя с австрийцами, произведения Гёте встречаются в Австрии в первое время отпор. Причиной этого стала культурно-политическая ситуация в Австрии в конце XVIII века. Из-за господства государственной церкви Просвещение пришло в Австрию намного позже, чем в протестантские немецкие земли. Система образования контролировалась иезуитским орденом. В то время

как в Страсбурге и Веймаре центральными стали темы движения «бури и натиска», в Австрии Просвещение только начинается. Разделение немецкой литературы, отделение австрийской литературы от немецкой и прочей немецкоязычной литературы началось с Семилетней войны. Таким образом, ранние произведения Гёте не находят в Австрии поддержку и понимание. Долгое время И.В. Гёте почитался в Австрии только как автор Гёца, Вертера, Ифигении и Тассо.

В 1817 году венский профессор риторики демонстрирует на примере стихотворения Гёте «An den Mond» множество нарушений языковых норм XVII века и переписывает его стихи по всем правилам поэтики.

По-другому восприняли новую языковую форму лирики Гёте композиторы, прежде всего Бетховен, Шуберт и Вольф. В то время как благодаря Шуберту и его окружению, начавшим писать музыку к произведениям авторов сентиментализма, а также И.В. Гёте и Ф. Шиллера, 1813 год становится расцветом рецепции Гёте; у последующего поколения его произведения не вызывают восхищения. Даже гениальный Моцарт не понимал его лирику.

Yoshito Takahashi. Reiz und Rätsel «Faust» für die Japaner (Йошито Такахаши. Очарование и загадка «Фауста» для японцев)

Появление в 1923 году первого перевода «Фауста» на японский язык произвело сенсацию. Фауст стал представителем европейского духа. Темы и мотивы этого произведения сыграли большую роль в составлении литературного ландшафта Японии. Лирика же Гёте имела большое влияние и на японскую литературу XX века.

* * *

Особенно следует отметить доклад В.Х. Гильманова, доцента кафедры зарубежной литературы и журналистики КГУ. Его работа «Гёте и Серебряный век русской культуры» (W. Gilmanow. Goethe und das «Silberne Zeitalter» der russischen Kultur) посвящена рецепции И.В. Гёте русскими поэтами и философами Серебряного века. Представителей Серебряного века прежде всего интересовали проблемы религии, государства, искусства, революции и свободы. В некотором смысле И.В. Гёте рассматривается и понимается на рубеже веков в России как пророк, символист и мифотворец.

Dirk Kemper. Goethes Individualitätsbegriff (Дирк Кемпер. Понятие индивидуальности у Гёте)

Ни один другой поэт не предлагает такой обширный материал для развития и осуществления специфичного для нового времени представления об индивидууме последней трети XVIII столетия, как И.В. Гёте. В своей работе Дирк Кемпер высказывает утверждение о высокой ценности ранних произведений Гёте для раскрытия и понимания проблематики ин-

дивидуальности на примере его романа. При этом проблема современного понятия индивидуальности типична не только для ограниченного периода «Бури и натиска». Напротив, этот вопрос интересовал Гёте всю его жизнь, и сегодня он будоражит сознание современных писателей. Как отмечает Кемпер, в ранних произведениях Гёте проблематика индивидуальности показана невероятно широко и выразительно, с другой стороны, им узнается и измеряется потенциал опасности. В конце этого периода проявляются глубокий ужас перед открывшейся поэту проблемой индивидуума и продуктивность этого ощущения для более поздних произведений Гёте, в которых он пытается решить эту проблему и найти ответы на так интересующий его вопрос.

Volker Braun. Goethe und Kafka in der Natur
(Фолькер Браун. Гёте и Кафка о природе)

Рассматривая роль природы в творчестве И.В. Гёте и Ф. Кафки, Фолькер Браун прослеживает при этом некоторые параллели с современной лирикой и литературной теорией. На примере текстов Гёте и Кафки Ф. Браун показывает их взгляды на политику дня и поэзию. Целью И.В. Гёте было соединить противоречия и проблемы жизни, в том числе и социальные, рассматривая их через призму природы и ее закономерностей. По мнению Фолькера Брауна, нет никаких различий между поэзией природной и политической. Возможности поэзии заключаются не в изменении мира, а в умении раскрыть его противоречия. Кафка видит природу как абстракцию, Гёте ощущает ее в конкретных образах.

**Günther Mahal. Goethes «Faust»
auf dem deutschen Theater des XX Jahrhunderts**
(Гюнтер Махал. «Фауст» Гёте в немецком театре XX века)

Автор рассматривает историю развития театральных постановок «Фауста» на немецкой сцене. Им выделяются, прежде всего, несколько ярких инсценировок этого произведения в первые три десятилетия нового века: натуралистично-реалистичная постановка Макса Райнхарда в Берлине и Зальцбурге и сохранившаяся до сегодняшнего времени антропологическая традиция. Спартанский, ориентированный на слова вариант «Фауста» Грюндгена ввел в послевоенное время определенную норму инсценировки, на которую последующее поколение молодых режиссеров равнялось, привнося на сцену свои идеи и новое восприятие работ Гёте. Этот подход не всегда традиционный, но оригинальный и, безусловно, заслуживающий особого интереса.

* * *

Следует отметить, что в новом выпуске ежегодника представлены также рецензии, хроники, библиографии и отчет Общества Гёте о проделанной за последний год работе.

М. Потёмина